

В роскошной VIP-ложе, где она все еще держала свою палочку, прижатую к шее Дамблдора, в дюйме от его сонной артерии, Боунс кипела от ярости. Одно мимолетное проклятие, не говоря уже о взрывном заклятии, и старик был бы мертв в считанные секунды, если бы это было возможно. Однако даже это не волновало ее. То, что Гарри только что показал на полу арены, заставило ее побледнеть. Узнав, что это его воспоминания, которые он мог видеть только будучи в сознании, она поняла, что он прав, и ей хотелось только отвернуться, склониться и вырвать. Лишь силой воли она сдерживала позывы. Многим зрителям, в том числе и в VIP-ложе, не повезло. Боунс слышала их рвотные стоны, а спустя мгновение почувствовала их тошнотворный запах. Наконец, она наклонилась к Дамблдору и прошептала ему на ухо:— Попробуйте что-нибудь сделать, Дамблдор. Пожалуйста, сделайте хоть что-нибудь. Одно маленькое движение — все, что мне нужно. Просто дайте мне повод разнести вам голову, прямо здесь и сейчас. С теми уликами, что у мистера Поттера, ни один суд не сможет меня осудить. Дамблдор не шевелился, словно окаменевший.— Но! — продолжил Мемори-Гарри, мгновенно привлекая всеобщее внимание. — Но... я показал вам это воспоминание не для того, чтобы продемонстрировать, до каких мерзостей мог опуститься мой так называемый дядя, когда я проявлял, как он выражался, свои странности. Я показал вам это воспоминание, чтобы показать, на какие подлые уловки пошел Дамблдор, чтобы убедиться, что я живу там! Это объясняет, почему Дамблдор без проблем заставлял меня возвращаться туда летом между первым, вторым, третьим и четвертым годами обучения в Хогвартсе. Более того, это показывает, насколько Дамблдор отвратителен, раз он использовал чары стирания памяти как на магглах, так и на пятилетнем волшебнике, которому только что сообщили о сотрясении мозга!— У меня есть еще более дюжины моих воспоминаний, где появляется Дамблдор... иногда вместе с Помфри, иногда нет... он ругает Дурслей за их поведение, исцеляет меня или поручает это сделать Помфри, околдовывает всех и уходит. Так что это был не единичный случай, свидетелями которого вы стали. Я также помню, что были случаи, когда Вернон действительно избивал меня до потери сознания, а спустя некоторое время я приходил в себя, когда все или почти все мои травмы были исцелены. Когда я узнал, что такое магическое исцеление, я понял, что именно это и происходило в те времена.— Вы также должны понять, что в то время я не знал, что это Дамблдор или мадам Помфри приходят после того, как Вернон зашел слишком далеко и слишком сильно избил меня. Я знал только, что старик по имени "Альбус" с длинными белыми волосами и бородой, одетый, как мне показалось, в аляповатый халат, появляется из воздуха со звуком, похожим на выстрел. Иногда он приводил с собой женщину чуть старше моих тети и дяди, одетую, судя по всему, в старую форму медсестры, а иногда нет. Я также быстро понял, что женщина в форме медсестры — "Поппи", как называл ее старик, — не узнает меня от одного визита к другому. Она также вела себя так, как будто встретила меня впервые.— Я знал, что означает слово "Обливиэйт", когда спросил у учительницы в школе — маггловской начальной школе. Самое близкое значение, которое я смог найти в словаре, было то, что оно означает "стереть с лица земли", "стереть с лица земли". И это говорило о том, что старик Альбус стирал память Помфри, моей тёти, дяди и кузена и пытался сделать то же самое со мной.— Если он стирал память всем, то я быстро понял, что было бы плохо сообщить старику, что я помню их обоих из их предыдущих визитов. Старик замахивался на нас своей палкой, твердо произносил "Обливиэйт!", из нее вырывался голубой свет и попадал в нас, я чувствовал себя в полной отключке примерно следующие одну-две минуты, а потом все возвращалось. И снова Мемори-Гарри ухмыльнулся в сторону VIP-трибун.— К тому времени я уже стал достаточно хорошим актером, чтобы одурачить старика. Это было то, что я никогда не переставал делать. Как вы увидите чуть позже. Мемори-Гарри фыркнул от удовольствия, прежде чем сменить тему.— Примерно за неделю до моего одиннадцатого дня рождения я получил свое первое письмо о приеме в Хогвартс. Но я не мог принять его, потому что, как только письма стали приходить, Вернон стал собирать их и сжигать.— И, да, я сказал "их", имея в виду "множественное число". В первый день я получил одно, во второй — одно, на следующий день — три, на следующий день — двенадцать, на пятый

— двадцать четыре, на шестой — в воскресенье — около тридцати-сорока, а на седьмой — более ста. На следующее утро в одну минуту пополудни появился Рубеус Хагрид, чтобы вручить мне письмо с приглашением.— Подумайте только, волшебная почта доставляется совой. Подумайте, сколько сов должно было прилететь в магловский мир, чтобы доставить мне почту, особенно на шестой и седьмой день. Подумайте о том, сколько сов должно было ждать снаружи — на ветках, заборах и т. п., — чтобы доставить почту; каждая с письмом в клюве или привязанная к лапке. Не является ли это нарушением Статута секретности? И это было сделано сознательно, под руководством Альбуса Дамблдора.— Это еще одно преступление, добровольно совершенное так называемым Лидером Света. И на этот раз он нарушил закон, установленный много веков назад для защиты мира волшебников.— В общем, — вздохнул он, — Хагрид забирает меня вечером десятого дня, и на следующее утро, в день моего одиннадцатого дня рождения, мы отправляемся на Косой Переулок. Я узнаю о том, что в Гринготтсе есть тростовое хранилище, достаю несколько галлеонов, чтобы купить школьные принадлежности и сделать покупки. Как только мы закончили, Хагрид уводит меня в Подземье и отправляет обратно к Дурслям.— Весь август Дурсли — все трое — делают вид, что меня не существует. Мемори-Гарри издал долгий, протяжный вздох блаженства и добавил:— Это было чудесно!— А почему они оставили меня в покое? — спросил он. — Потому что на этот раз они сохранили воспоминания о том, как пристально следил за мной мир волшебников. Он вздохнул.— Мне оставалось только гадать, сколько из тех издевательств, которые я пережил, я бы не пережил, если бы Дамблдор не продолжал Обливиэт Дурслей. Вернувшись в свою комнату, Гарри продолжил:— Однако в это время я не сидел сложа руки. Хагрид поведал мне немного правды о моих родителях, об их гибели, о Хогвартсе, но о многом другом — ни слова. Однако один из самородков информации, которым он поделился, касался Домов Хогвартса. Не упустив возможности, я прихватил с собой из "Флуриш энд Блоттс" книгу о Хогвартсе и еще одну, посвященную новейшей истории волшебства. Итак, весь август, пока Дурсли меня игнорировали, я читал. Я читал о четырех Домах, о том, как учеников распределяют по ним. Я узнал, что метод сортировки основан на характере юного волшебника или ведьмы, — и меня охватила тревога. Я знал, что мне уготовано место в Слизерине, если я не найду способ изменить ситуацию.— Ах, да, — вдруг произнес он. — На основании того, что мне рассказал Хагрид, а также после встречи с Драко Малфоем у мадам Малкин в тот день, когда Хагрид забрал меня на Косой Переулок, я уже принял решение — я не хочу оказаться в Слизерине.— И почему же я решил, что не хочу оказаться в Слизерине? — риторически спросил он. — Не только из-за того, что Хагрид рассказал мне о моих родителях, и не только из-за поведения Драко Малфоя. Нет. Это из-за идеалов, которые каждый из Домов должен ценить больше всего. — — — На трибунах вокруг арены, в секции Слизерина, Драко Малфой хмурился, отвечая Гарри ненавистью. Сосредоточившись на Поттере, он не замечал, что многие его соседи по комнате тоже с любопытством наблюдают за ним. Он не считал Поттера достойным быть Слизеринцем, но в Слизеринском доме было немало тех, кто гордился бы тем, что он в их доме. И все они теперь знали, что Малфой отчасти виноват в том, что его там нет. Ну, так они думали — пока.